

живающемся мире, но и удовлетворить нужды народов и гарантировать им свободу.

Разногласия и разочарование истекших полутора лет породили беспокойство в сердцах нашего народа, и он надеется на то, что вторая сессия Генеральной Ассамблеи займется решением стоящих перед нами проблем и что мы каждый раз будем применять великие принципы прав человека, записанные в Атлантической хартии и воплощенные в великой хартии мира, послужившей основой нашей Организации.

Мы выслушали с большим вниманием речи других делегаций и можем лишь присоединиться к тем, кто указывал на опасность, могущую возникнуть при злоупотреблении правом вето, что, по мнению большинства государств, и произошло на последних заседаниях Совета Безопасности. Мы считаем, что пришло время вновь рассмотреть вопрос о том, что можно сделать, чтобы положить конец такого рода злоупотреблениям.

Делегация Либерии с особым вниманием следит за судьбой самоуправляющихся народов, интересуется их правами и привилегиями, ибо кроме мировых политических и экономических проблем мы должны еще решить проблему образования и независимости для более чем половины населения земного шара. Решение можно и нужно найти, так как эти народы требуют образования и независимости, и не может быть прочного и справедливого мира до тех пор, пока эта проблема не будет решена.

Либерийцы знают, что значит иметь свое собственное управление, потому что за свою короткую историю, насчитывающую всего лишь 100 лет, Либерия должна была проявить бесстрашие и упорство, чтобы сохранить свою независимость, постоянно трудиться и идти на самые большие жертвы и лишения. Время от времени немногочисленные дружественные государства оказывали ей помощь, однако Либерия при всех правительствах всегда боролась за общее дело демократической свободы и равенства.

Делегация Либерии надеется, что мы будем рассматривать стоящие перед нами проблемы с решимостью и бескорыстием, для всеобщего благосостояния народов мира, чтобы благословение свободы снизошло на еще томящихся в рабстве и чтобы это благословение сохранилось на века.

Посвятим же все усилия тому, чтобы освободиться от эгоизма гордыни, эгоистического суверенитета; сделаем заступничество нашим проводником и помощником в будущем, чтобы еще при нашей жизни народы всех рас и всех цветов кожи могли жить в мире, благосостоянии и безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Следующее заседание Генеральной Ассамблеи состоится в понедельник, 22 сентября в 11 часов.

Заседание закрывается в 13 час. 53 мин.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Понедельник, 22 сентября 1947 года, 11 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

15. Продолжение общих прений

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово для обращения к Генеральной Ассамблее имеет представитель Сирии.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Было бы излишним повторять здесь требования всего мира о мире, которые раздаются с каждой кафедры и трибуны и печатаются в каждой газете земного шара. Для народов мира это вопрос первостепенной важности, и крайне необходимо успокоить их волнения и тревоги. Одних слов мало, чтобы устранить страшную тревогу, терзающую нервы и сердца. Основатели нашей Организации сознавали насущную необходимость эффективных мер для лечения этой болезни нашего мира и освобождения человечества от страха.

Устав Организации Объединенных Наций должен был послужить таким средством. Пятьдесят пять стран, составляющие нашу мощную Организацию, поборницу мира, — и все эти страны считаются миролюбивыми, — подписались под этим новым обязательством. В течение последних двух лет они старались создать прочный фундамент, на котором можно было построить здание мира, но до сих пор достигнутый успех весьма незначителен.

Война, со всеми ее ужасами, еще свежа в нашей памяти и бросает свою зловещую тень на здание мира. Война и разговоры о ней все еще являются отличительной чертой нашего времени, как и в прошлые века, и упорные усилия, постоянно здесь прилагаемые, столь же упорно нейтрализуются эгоистичным проявлением националистических притязаний. Малые державы не располагают возможностями, необходимыми для поддержания мира, хотя иногда они сами могут его нарушить. От великих держав, в руках которых находятся все ресурсы и средства, в конечном итоге зависит возможность обеспечить мир.

Однако для этого им нужны доброжелательность, самоотречение и чувство справедливости. Только их лояльная солидарность может гарантировать и осуществить стремление народов к миру и справедливости. Мир должен быть убежден в том, что между его лидерами и руководителями его политики существует полное согласие и взаимопонимание. Только эта сплоченность и доброжелательность могут развеять господствующий в наше время страх перед войной и заменить его спокойствием и доверием.

Нам всем известен источник этого страха. Это — нынешнее нелепое соперничество великих держав, так ясно осужденное при создании Организации Объединенных Наций. Фактически это соперничество между двумя общественными доктринами. Необходим какой-то общий подход, чтобы потушить пламя этого соперничества, пока оно еще не слишком далеко распространилось. Насущная обязанность соперников — найти совместно этот общий подход, если они действительно хотят быть верными принятым ими, согласно Уставу, обязательствам и торжественным заверениям, которые они так вельеречиво и так гордо провозглашали с трибун всего мира и этой Организации.

Нам нельзя, однако, поддаваться отчаянию и дать ему восторжествовать над нашими надеждами. Мы рассчитываем на то, что здравый смысл и справедливое суждение выдающихся лидеров не позволят им игнорировать миллиарды взоров, обращенных к ним и молящих их о мире.

Существуют известные меры, которые Организация Объединенных Наций может принять для защиты мира и предотвращения угрозы войны и, следовательно, в значительной степени для успокоения народов мира. В случае возникновения третьей мировой войны следует опасаться, что она будет атомной войной и уничтожит нашу цивилизацию. Чтобы предотвратить эту страшную возможность, Объединенные Нации должны ускорить заключение определенных подписанных и ратифицированных государствами-членами конвенций, имеющих целью запрещение применения атомного оружия и всякого другого оружия массового уничтожения и обеспечения строгого контроля над производством и применением атомной энергии во всем мире. Эта проблема рассматривалась соответствующими органами Организации Объединенных Наций в течение примерно двадцати месяцев, а положительных результатов все еще не видно.

Злополучное открытие способа освобождать страшную энергию атома сейчас навевает страх во всем мире и сулит миллионам людей не благословение, а несчастье. Если мы не можем устранить это опасное изобретение, возвратив его снова природе, то мы по крайней мере должны сковать его и лишить его возможности вонзить свои страшные когти в тело своей жертвы.

Другой мерой для обеспечения мира, которую может принять Генеральная Ассамблея, является кодификация международного права в соответствии с принципами и целями Устава. Соблюдение этого права государствами-членами значительно поможет заложить твердую основу для взаимоотношений между народами и избежать многочисленных инцидентов, являющихся причинами споров, возникающих из различных толкований положений международного права, касающихся взаимных обязательств. Комитет, назначенный для изучения этого вопроса, хорошо

выполнил свою задачу и внес ценные предложения, которые будут рассмотрены соответствующей главной комиссией во время настоящей сессии. Можно надеяться, что это будет способствовать урегулированию взаимоотношений между нациями в международных вопросах.

Одной из главных гарантий мира является сокращение вооружений и вооруженных сил. Совет Безопасности приступил к этой работе и приложил значительные усилия в этой области, но следует указать, что существуют некоторые тормозящие вопросы, которые следует разрешить, прежде чем окажется возможным принять окончательные, или полные, меры.

Одним из этих вопросов является заключение мирных договоров с бывшими вражескими государствами на основе справедливости и беспристрастия в целях достижения стабильного урегулирования нерешенных вопросов к удовлетворению всех заинтересованных наций, чтобы последние более не считали крупные военные силы необходимыми и чтобы Совет Безопасности смог установить количество постоянных вооруженных сил, необходимых каждому государству для поддержания общественного порядка и для самообороны в соответствии со статьей 51 Устава. Для достижения этой цели Генеральная Ассамблея может делать рекомендации заинтересованному государству относительно ускорения темпов работы на мирных конференциях и представления окончательных договоров для регистрации их Секретариатом Организации Объединенных Наций.

Другим вопросом, требующим своего разрешения до сокращения вооружений, является установление численности войск, предоставляемых государствами — членами Организации Объединенных Наций в распоряжение Совета Безопасности в целях осуществления положений статьи 43 Устава. Военно-штабному комитету и Совету Безопасности следует предложить закончить эту работу без дальнейшего промедления, с тем чтобы Совет Безопасности мог приступить к составлению необходимого соглашения и для того чтобы он был в состоянии поддержать или восстановить мир там и тогда, где и когда это окажется необходимым. Эта мера является единственным эффективным путем к поддержанию мира.

В целом ряде случаев тот или иной постоянный член Совета Безопасности пользовался своим правом вето. Я не отрицаю, что пользование этим правом в известных случаях осуществлялось путем простого воздержания от голосования. С другой стороны, по мнению большинства, использование этого права было излишним, тогда как, по мнению тех, кто имеет это право, оно было необходимым. До тех пор пока имеющий это право пользуется, согласно статье 27 Устава, этой привилегией, не представляется возможным ограничить его свободу использования этого права во всех тех случаях, когда он сочтет это выгодным для своих целей.

Многие делегации высказывались в пользу изменения Устава, в том что касается статьи 27. Когда этот вопрос будет рассматриваться в одном из комитетов, необходимо помнить, что подобные поправки не могут войти в силу, если за них не поданы совпадающие голоса всех пяти великих держав. В этой связи следует помнить о целостности и неприкосновенности Организации Объединенных Наций.

Прием новых членов был задержан из-за предвзятых мнений постоянных членов Совета Безопасности. Критерием для оценки стран, подавших заявления о приеме в члены, не всегда являлось их соответствие требованиям Устава. Идея усилить один блок или ослабить другой играла главную роль в голосовании. В этом вопросе делегация Сирии руководствовалась статьей 4 и пунктом 6 статьи 2 Устава, не считаясь с какими-либо другими обстоятельствами. В настоящих условиях Генеральной Ассамблеи было бы полезно сделать Совету Безопасности настоятельные рекомендации пересмотреть свою резолюцию по этому вопросу, в особенности после ратификации договоров, отсутствие которых считалось препятствием, в результате чего рассмотрение пяти ранее поданных заявлений было отложено.

На этой сессии перед Генеральной Ассамблеей стоит палестинский вопрос, как следствие доклада Специальной комиссии, учрежденной на недавней специальной сессии. Поэтому моей делегации, прежде всего заинтересованной в этом вопросе, поскольку Палестина является составной частью Сирии, надеюсь, будет разрешено остановиться на нем. Я чувствую себя обязанным объяснить Генеральной Ассамблее в ходе настоящего обсуждения отношение правительства и народа Сирии к докладу Специальной комиссии, оставляя за собой право коснуться его в деталях в соответствующем комитете.

Вначале я попытаюсь сделать краткий обзор рекомендаций, представленных семью членами Специальной комиссии, о которых глава делегации Соединенных Штатов сказал, что они заслуживают того, чтобы правительство Соединенных Штатов придало им «большое значение». Я не думаю, что он хотел сказать, что его делегация должна обязательно оказать полную поддержку этим рекомендациям, но ввиду такого заявления, мне кажется, будет правильным, если Генеральная Ассамблея познакомится со взглядами моей делегации по этому вопросу.

Мы считаем, что эти рекомендации не соответствуют кругу ведения Специальной комиссии, уставу Лиги Наций, принципам Устава Организации Объединенных Наций, принципам справедливости, историческим фактам и принципам публичного права. Это предложение рекомендует раздел Палестины на два отдельных государства, отдавая львиную долю евреям и лишая законных жителей страны их отечества. В своем предложении большинство доходит до того, что составляет проект основы конституции, догово-

ров и законодательных биллей, чтобы насильственно навязать их народу Палестины.

Мы не можем серьезно относиться к таким рекомендациям; они попирают основные принципы Устава, а именно право народов на самоопределение. Только самим народам должно принадлежать право определять свою судьбу и свою систему правления, а равно и право определять свои взаимоотношения с другими народами.

В соответствии с указаниями Генеральной Ассамблеи в круг ведения Специальной комиссии входило рассмотрение палестинского вопроса во всех его аспектах; одним из них является юридический аспект, который следовало бы считать самым важным, а также политический, социальный и экономический аспекты.

Арабские государства, так же как и некоторые другие делегации, подняли этот юридический аспект вопроса в Первом комитете и на Генеральной Ассамблее. Они оспаривали законность декларации Бальфура и специальных условий мандата на Палестину. Они подчеркивали противоречивый характер этих условий и нарушение ими устава Лиги Наций, международного права и священных прав народов. Свою точку зрения они подтвердили вескими аргументами.

Однако Первый комитет совершенно не рассматривал юридический аспект этого вопроса. Он не уделил ему никакого внимания. Он не обратил внимания на незаконность документов, породивших эту проблему. Комитет ограничил свои усилия лечением симптомов болезни, а не причин, вызвавших ее.

Не будь мандата с его исключительными условиями и непомерных империалистических устремлений победителей в первой мировой войне, Палестина оставалась бы провинцией Сирии, какой она и была на протяжении столетий.

Более того, Специальная комиссия не ограничила свою щедрость по отношению к евреям только условиями мандата, но пошла гораздо дальше, даруя им суверенное государство вместо национального очага, как предусматривалось в мандате. Члены Комиссии взяли на себя смелость придать термину «национальный очаг» гораздо более широкое значение, чем это предусматривалось и толковалось самими авторами декларации и самими авторами мандата. Термину «национальный очаг» никто не предполагал давать значение суверенного государства.

Арабы восстали против идеи национального очага, осуществление которой стало возможным только путем вторжения в их отечество и расселения на их земле иноземных иммигрантов при помощи штыков и войск одной из великих держав. Арабы никогда не предполагали, что с национальным очагом произойдет метаморфоза, которая превратит его в суверенное государство.

Неоднократно, согласно решениям своего парламента, британское правительство заявляло, что в его намерения никогда не входило придать

национальному очагу статус государства, а большинство Комиссии превзошло даже щедроты мандата.

Специальная комиссия не приняла во внимание конкретные обещания, данные правительством Его Величества королю Хусейну и другим арабским должностным лицам и организациям относительно признания независимости сирийских областей, включая Палестину.

Во время второй части своей первой сессии Генеральная Ассамблея утвердила устав, предусматривающий все мероприятия по репатриации или расселению беженцев, и создала организацию для этой цели¹. Специальная комиссия не была уполномочена вмешиваться в функции этой организации. Несмотря на то что вышеупомянутый устав, утвержденный Генеральной Ассамблеей, запрещал расселение беженцев в самоуправляющихся территориях без согласия на то туземного населения или в том случае, если такое расселение могло нарушить мирные отношения между государствами-членами, Комиссия намеренно посетила лагеря беженцев и предложила допустить большое число беженцев из этих лагерей в Палестину против определенно выраженной воли и вопреки решительному протесту огромного большинства народа Палестины и вопреки возражениям соседних государств.

В своем докладе Специальная комиссия отказала арабам в праве на независимость, утверждая, что якобы арабы в прошлом никогда не составляли отдельного независимого государства. На протяжении более чем тринадцати столетий Палестина была составной частью Арабской и Османской империй, пользуясь всеми правами и привилегиями и неся все обязанности и ответственность наравне с другими провинциями империи, включая сюда и прерогативу независимости и суверенности. Когда какая-нибудь провинция отторгается от независимого государства, составной частью которого она являлась, несправедливо отказывать ей в праве на независимость под таким несерьезным предлогом.

Комиссия исходила из предположения, что евреи являются расой и нацией, имеющей право на национальные притязания. Евреи — не нация. Каждый еврей принадлежит к какой-нибудь национальности. Ни один из них в настоящее время не является апатридом, а является гражданином какой-нибудь страны. В массе своей они охватывают все национальности мира. Евреи не являются также и расой. Дети Израиля ныне составляют только частицу мирового еврейства, потому что евреи состоят из всех рас человечества, от негров до белокурых, светлокочих скандинавов. Иудаизм — это религия, и ничего больше. Последователи какого-либо одного вероучения не имеют права на национальные притязания.

¹ Имеется в виду Международная организация по делам беженцев. См. *Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей* на второй части первой сессии, резолюция 62 (I).

Предположим, что квакеры, находящиеся в большинстве в Соединенных Штатах, объединили бы свои приходы и потребовали бы от правительства Соединенных Штатов удовлетворить их национальные притязания на национальный очаг и отдать им какой-нибудь штат, скажем, Техас, в качестве их суверенного государства. Не знаю, как отнеслись бы и как реагировали руководители Соединенных Штатов в таком случае.

Много есть на свете религий. Устав не предусматривает учреждение государства по признаку религии. Государства создаются на основе их национального существования, независимо от религии, вероисповедания, веры, цвета кожи, расы и так далее.

Комиссия признала законность притязаний евреев на Палестину на основании их исторических прав на эту страну. В чем же состоят эти исторические права? В докладе Комиссии говорится, что две тысячи лет тому назад евреи имели свою династию в Палестине. Всем известно, что право давности всех цивилизаций утверждает, что в случаях, когда эти права так долго остаются неиспользованными, они теряют силу. Даже право собственности теряется по прошествии нескольких лет, максимум тридцати. Но по прошествии двух тысяч или двух с половиной тысяч лет какое право можно основывать на историческом праве?

Всем известно, как евреи впервые попали в Палестину. Они не были коренными жителями Палестины. Они пришли извне, как захватчики, убивая всех на своем пути, уничтожая все живое, чтобы захватить небольшую часть Палестины на восточных склонах гор. Даже Иерусалим не был занят ими до времени правления Давида в X веке до рождения Христа.

Согласно предложению большинства Специальной комиссии, еврейское государство должно быть расположено в прибрежной полосе. Побережье всегда было владением филистимлян и ими оборонялось. Само название «Палестина» произошло от древних филистимлян, сражавшихся и боровшихся с евреями в течение длительного периода и не допустивших их в прибрежную полосу. Страна, ныне передаваемая евреям, никогда не была занята ими, и евреи никогда ее не заселяли. Это не исторический принцип. Это просто какой-то бред сионистов, пожелавших получить страну. Когда евреи имели свою династию в Палестине две с половиной тысячи лет тому назад, там в те времена много было других процветающих племен и народов. Все они исчезли, их больше нет. А были вавилоняне, шумеры, аккадцы, ассирийцы, финикийцы и хиттиты.

Сколько было наций, внесших свой вклад в мировую цивилизацию, которые были сильнее и могущественнее еврейской династии. Сегодня мы не найдем ни одной из них. Они не были уничтожены: они были ассимилированы захватчиками и приспособились к условиям, в которых они

оказались. Из всех народов древности одни только евреи сохраняют свою обособленность и отчужденность к неудовольствию и озлоблению своих сограждан и соседей, которые не упускают случая, чтобы мешать им и преследовать их, ставя тем самым каждый раз перед миром проблему беженцев, проблему перемещенных лиц. Ни одного столетия не прошло без того, чтобы не возникла эта проблема. Перед миром всегда стоял вопрос о еврейских беженцах и перемещенных лицах, и время от времени вопрос о преследованиях евреев. Почему? Единственной причиной является особый образ жизни, принятый евреями, которого они придерживаются вопреки любому прогрессу и изменениям, каким подвергаются все нации мира. Евреи стоят особняком, и в настоящее время перед Организацией Объединенных Наций вплотную встала последняя по счету, но не последняя по значению проблема. Эта проблема не менее важна, чем все предшествующие.

Я понимаю, что, для того чтобы разрешить эту проблему, евреи хотят иметь суверенное государство. Но было бы невероятно, если бы нашлись такие судьи, которые признали бы эту претензию, а также признали историческое право на Палестину. Было бы очень странным, если бы была принята подобная точка зрения.

СССР открыл дорогу еврейским притязаниям, ибо утверждает, что у евреев есть притязания, которые следует удовлетворить. СССР предоставил им область площадью более обширную, чем Палестина, и назвал ее «Еврейская Социалистическая Республика Биробиджан». Как я уже говорил, Биробиджан занимает площадь в два раза большую, чем Палестина, и туда уже иммигрировали около двухсот тысяч евреев, живущих там очень счастливо. Эта область может, очевидно, вместить всех перемещенных евреев и даже больше. Говорят, что на ней можно разместить около четырех миллионов. Почва там очень плодородная, недра богаты полезными ископаемыми, а земля покрыта девственными лесами. Евреи создали там текстильную и другие отрасли промышленности. Они экспортируют продукцию в другие страны.

Я не понимаю, почему Международная организация по делам беженцев не догадалась направить туда перемещенных евреев Европы, чтобы они счастливо жили рядом со своими единоверцами, тем самым избавив мир от проблемы, принесшей всем членам Организации Объединенных Наций и миру в целом столько хлопот и трудностей.

Наконец, мне хотелось бы заявить в связи с этим, что арабы убеждены в том, что Соединенные Штаты, чьи деньги финансируют широкую сионистскую пропаганду и подпольную террористическую деятельность, могут, если они того пожелают, положить конец всему этому злу и этим актом справедливости и беспристрастия оказать честную услугу делу поддержки принци-

пов Организации Объединенных Наций. Оружие и деньги Соединенных Штатов свободно посылаются в другие страны, чтобы помочь большинству против меньшинства. Но когда речь идет о Палестине, то оружие и деньги Соединенных Штатов охотно посылаются захватническому меньшинству против законного национального большинства и против самой державы мандатария. Чтобы удержаться от осуждения этого столь неискреннего поведения, требуется немалая выдержка и лицемерная вежливость.

В заключение я должен торжественно заявить, что миролюбивые сирийский и арабский народы категорически возражают против рекомендаций Специальной комиссии и никогда не позволят вбить клин или создать иностранный опорный пункт в сердце их родины. Они уверены, что эта великая Организация, созданная для поддержания мира, вспомнит о том, что справедливость — единственная гарантия мира. Они также искренне надеются, что несправедливые действия не заставят их прибегнуть к священному праву на самозащиту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Перед Генеральной Ассамблеей выступит представитель Соединенного Королевства.

Г-н МАК-НИЛ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Надеюсь, что Ассамблея не ожидает от меня детального рассмотрения вопроса, только что изложенного с такой эрудицией и столь страстно представителем Сирии. Я не сомневаюсь, что эта проблема будет еще не раз подробно обсуждаться, прежде чем мы разведемся по домам.

В подобных случаях принято делать общий обзор работы за текущий год. Я намереваюсь, однако, быть очень кратким, главным образом потому, что обзор этот был уже превосходно сделан многими другими представителями. Я не буду утверждать, что мое правительство в той или иной мере удовлетворено результатами работы Организации за прошедший год. Я полагаю, однако, что, оценивая скромные успехи Объединенных Наций, следует отметить некоторые факторы, которые при любых обстоятельствах явились бы препятствием к достижению полного успеха.

Во-первых, не следует забывать быстрого и даже бурного роста Организации. В Комитете по административным и бюджетным вопросам мы через моего коллегу г-на Кеннета Янгера своевременно представим детальные сообщения относительно роста Организации и ее способности расходовать средства.

Как и все мои коллеги, я хотел бы, однако, от лица моего правительства самым искренним образом отдать должное огромной по своему масштабу работе, выполняемой Организацией под руководством Генерального Секретаря г-на Трюгве Ли. Часть этой работы не следовало бы вовсе предпринимать. Нужно сознаться, что в этом

отношении вина чаще всего лежит на членах Организации и на делегациях, как, например, на моей. Мы должны в таких случаях признать свои ошибки и уменьшить бремя работы, порученной Секретариату. Нам следует установить очередность в решении задач и придерживаться установленного порядка.

С другой стороны, все те, кто изучили ценный обзор, составленный Консультативным комитетом по административным и бюджетным вопросам, должны признать, что Секретариат, по-видимому, разросся до неоправданных размеров, и работа его не всегда выполнялась с достаточной эффективностью и осмотрительностью в отношении расходов. Я полагаю, что следует также признать, что правительства не всегда оказывали Секретариату необходимую поддержку. Они не всегда предоставляли в распоряжение Генерального Секретаря сотрудников той квалификации, которой он ожидал. Я не сомневаюсь, что мы исправим наши ошибки, и хотел бы заявить, что какие бы сокращения расходов мое правительство ни считало необходимым предложить, мы ни в коей мере не намереваемся лишать Организацию Объединенных Наций той полной поддержки, которую мы до сих пор ей оказывали. На наши предложения в равной мере будут влиять как наша решимость придать наибольшую эффективность Организации, так и те временные затруднения, которые мы испытываем в нашей стране.

Я повторяю, что быстрота роста Организации и разнообразие возлагаемых на нее задач не поддаются сравнению. От Лиги Наций в начале ее существования не требовалось выполнения столь тяжелых задач. Мы поэтому должны быть готовы к тому, что в деятельности Организации будет известная доля малой эффективности. Кроме того, общественное мнение по весьма понятным причинам страдало излишним оптимизмом в отношении тех возможностей, которыми располагает Организация, и той легкости, с которой могут быть разрешены международные проблемы. Не только отсутствие успехов в результате неоправданных ожиданий, но и ухудшение международных взаимоотношений вызвали разочарование и уныние, которые также, мне кажется, преувеличены.

Кроме того, сложность и объем стоящих перед нами мировых проблем не имеют precedентов. Мы были вынуждены иметь дело не только с наследием войны, но также с экономическими и политическими проблемами, которые угрожали самым основам современного общества. На Среднем и Дальнем Востоке мы наблюдаем рост могучего национального движения, подобного тому, которое имело место в Европе в XIX веке. Это движение ставит своей целью достижение независимости и создание новых экономических взаимоотношений. Поэтому обстановку, в которой Организация вынуждена работать, также нельзя сравнить с условиями, в которых работала Лига Наций.

Можно было ожидать, что наилучшие результаты будут достигнуты Объединенными Нациями в области деятельности Экономического и Социального Совета. Тут также было бы несправедливым и опасным недооценивать работу, выполненную Советом, и я присоединяюсь к г-ну Масарику, подчеркнувшему значение этой работы.

Но я разделяю и мнение г-на Эватта, опасавшегося, что мы слишком заняты созданием аппарата и упускаем из виду существо дела. Часть ответственности за такое положение несут члены Организации. Мое правительство и я, как его представитель, должны принять на себя долю этой вины. Мы поторопились с учреждением некоторых комиссий, без которых при настоящих условиях можно было бы обойтись. Социальная комиссия, например, принесла нам большое разочарование. Работа ее носит, к сожалению, весьма неудовлетворительный характер. Не принесит больших результатов и работа Комиссии по правам женщины.

Даже в той области, в которой мы были вправе ожидать лучших результатов, как, например, деятельность Комиссии по экономике и занятости, наши надежды не оправдываются. Как я уже говорил в Экономическом и Социальном Совете, мне думается, неудовлетворительные результаты в указанной области зависят главным образом от того, что вместо того, чтобы поощрять в Комиссиях самостоятельную работу специалистов и экономистов, независимо от политических убеждений отдельных членов, здесь играют роль политические соображения. Это положение все еще можно исправить.

Несомненно, что чувство неудовлетворенности, испытываемое общественностью в отношении деятельности Организации в политической области, является главным образом результатом наблюдаемого всем миром паралича, медленно охватывающего Совет Безопасности. Правда, следует обратить внимание на некоторые положительные результаты работы Совета. Посылка в Грецию комиссии для расследования причин пограничных инцидентов, несмотря на то что СССР воздержался от голосования по некоторым пунктам соответствующей резолюции, является определенным международным достижением. Это мероприятие могло бы послужить хорошим примером той помощи, которую Организация Объединенных Наций должна была бы оказывать любой стране, и в частности всякой малой стране, временно находящейся в тяжелом положении.

Даже в том случае, если недавно принятая резолюция, рекомендующая прекращение военных действий между индонезийцами и голландцами и учреждение затем Комитета трех, не разрешат проблемы, в заслугу Совету Безопасности можно поставить то, что хотя бы временно обе враждующие стороны воздерживаются от дальнейшей разрушительной войны и что им предоставлены возможности для примирения.

Этим ограничивается, однако, все то, что можно сказать в пользу деятельности Совета Безопасности. Правда, некоторые успехи достигнуты Комиссией по атомной энергии и Комиссией по вооружениям обычного типа, но на этом я останавлиюсь подробнее ниже. Позвольте мне вкратце затронуть вопрос о приеме в Организацию новых членов, хотя некоторые наши коллеги, и в частности представитель Сирии, уже подробно его обсудили.

Соединенное Королевство, разумеется, заинтересовано в этом вопросе. Мы заинтересованы в приеме некоторых стран с самыми лучшими намерениями, ибо полагаем, что их требования обоснованы. Позвольте упомянуть лишь об одной из них. Может ли кто-нибудь оправдать отклонение заявления Ирландии, пожелавшей войти в число членов Организации? Г-н Эватт и наш уважаемый коллега из Сальвадора уже высказывались по этому вопросу. Здесь мы имеем дело с устойчивым правительством, у которого создались хорошие и сердечные взаимоотношения с членами Организации. Ирландия — это прежде всего миролюбивая страна, постоянно стремящаяся законными путями улучшить свои взаимоотношения с такими же, как и она, устойчивыми и законно существующими державами. Нет никаких веских причин против приема Ирландии в члены Организации. Мое правительство очень сожалеет о том, что вопрос приема новых членов, вместо того чтобы обсуждаться в порядке прений и в духе прошлогодних резолюций Генеральной Ассамблеи², снова грозит стать предметом отвратительной торговли; это ничем не оправданное нарушение духа Устава. Поэтому нет ничего удивительного в том, что деятельность Совета Безопасности вынуждает великие державы искать возможности создать в рамках Устава новый орган, где мировая общественность могла бы высказать свое мнение.

Ассамблее известно, что правительство Соединенного Королевства считает, что такому мало еще испытанному органу, как Совет Безопасности, можно было бы оказать содействие, выработав то, что мы называем нормами ведения работы. При помощи таких норм, как мы наделись, любая страна сможет получить от Совета Безопасности решение, основанное на добросовестной оценке фактов и справедливости, решение, не отступающее от целей, преследуемых Советом, и от принципов, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

С этой целью наш министр иностранных дел Эрнест Бевин в прошлом году обратился к пяти постоянным членам Совета Безопасности с просьбой встретиться для обсуждения и согласования наших действий, ибо было ясно, что в соответствии с положениями Устава и в силу нашего положения в мире на нашу долю выпадали особые обязательства и особые права и что, не

уклоняясь от выполнения этих обязательств, мы должны сохранить эти права. Я сожалею вместе со всей Ассамблеей, что эта попытка не удалась.

Рассмотрим некоторые результаты этой неудачи. В прошлом году произошел весьма печальный инцидент, известный теперь под названием «инцидента в проливе Корфу». Сначала были обстреляны наши корабли, проходившие через пролив Корфу. По старым понятиям следовало бы тоже ответить огнем. Но наши командиры сохранили хладнокровие. Поспешной реакции не последовало. Это произошло в мае месяце. Потом в октябре в том же проливе два наших корабля подорвались на минах и получили тяжелые повреждения. Сорок четыре человека при исполнении служебных обязанностей были убиты, другие были ранены. В соответствии с духом Устава мы подали заявление в Совет Безопасности и там в умеренных выражениях защищали свое дело. Мы привели факты и получили поддержку мирового общественного мнения. Однако в Совете Безопасности было использовано право вето, что помешало ему принять те или иные меры и лишило членов Совета возможности официально выразить свое мнение по существу вопроса. Мы с удовлетворением отмечаем, что дело передается теперь в Международный Суд. Но, с нашей точки зрения, в Совете Безопасности было допущено наихудшее злоупотребление правом вето, хотя, очевидно, другие страны могли бы привести примеры столь же серьезных злоупотреблений.

Например, всем нам известны обстоятельства, побудившие Соединенные Штаты поставить на повестку дня Генеральной Ассамблеи греческий вопрос, и мы все знаем, как представитель СССР в Совете Безопасности, невзирая на мнение большинства Балканской комиссии и самого Совета, использовал право вето в отношении предложенной Соединенными Штатами резолюции о создании комиссии для примирения и исследования вопроса, чтобы положить конец положению, которое, по мнению всех делегаций, не исключая делегации СССР, являлось угрозой миру. В этом случае вето было мотивировано желанием возложить на греческое правительство ответственность за злодеяния его соседей.

В вопросе об Испании в 1946 году — г-н Масарик сделал определенную и уместную ссылку на Испанию — представитель СССР предпочел парализовать действия Совета, нежели позволить ему принять резолюцию, которую он считал недостаточно резкой. В случае с поданным ранее, в том же году, заявлением Сирии и Ливана о присутствии на их территориях иностранных войск создавалось бы такое же безвыходное положение, если бы Франция и Соединенное Королевство не подчинились явному желанию большинства Совета и не отвели свои войска, несмотря на вето Советского Союза.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Соединенное Королевство, вследствие своей неудачи добиться в прошлом году соглашения ме-

² См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, резолюции 35(1) и 36(1), стр. 60.

жду пятью постоянными членами Совета Безопасности и в связи с событиями, происшедшими с тех пор, не питает особого оптимизма в отношении возможности достигнуть новых соглашений по данному вопросу до тех пор, пока все пять постоянных членов Совета не будут выполнять свои обязательства и придерживаться, каждый в отдельности, соответствующих норм поведения.

Тем не менее Соединенное Королевство готово испробовать любой метод, который Ассамблея сочтет целесообразным, чтобы облегчить работу Объединенных Наций; оно согласено рассматривать любые предложения, направленные к тому, чтобы выяснить, можно ли путем предлагаемых мер побудить общественное мнение способствовать делу мира.

Поэтому мы вполне понимаем и приветствуем новую попытку Соединенных Штатов добиться разрешения этих затруднений. Я хотел бы определенно заявить, что мое правительство ничего не знало заранее об этих предложениях, и нашего мнения по этому поводу не спрашивали. Вследствие положения, которое создалось в связи с явно произвольным использованием права вето в течение последних двух лет, и ввиду того, что нет признаков того, что это положение изменится, нам представляется, что существует реальная необходимость расширения аппарата Объединенных Наций для того, чтобы Организация могла выражать общественное мнение. Однако всем нам следует признать, и я полагаю, что наш коллега из Соединенных Штатов с этим согласится, что не может быть и речи о нарушении положений Устава или о лишении каких-либо органов Организации присущих им функций. В самом деле, мы желаем лишь того, чтобы эти функции соответствующим образом выполнялись. Мое правительство поэтому надеется, что соответствующий комитет и Ассамблея тщательно рассмотрят предложение Соединенных Штатов о создании Межсессионного комитета.

Основным в нашей проблеме, как сказал г-н Бидо в своей великолепной речи, является то обстоятельство, что в Совете Безопасности вместо судей заседают стороны в споре; всех членов Ассамблеи беспокоит вопрос, как нам рассматривать возникающие между нами споры, которые угрожают существованию Организации, мешают миру вернуться к нормальному образу жизни, бросают зловещую тень на и без того непрочный мир и являющуюся причиной того, что миллионы простых людей страдают от голода, нищеты, болезней, преследований, тревоги и страха.

Ряд ораторов, в том числе и наш польский коллега, говорили уже о единстве народов, борющихся против фашизма, и сокрушались, что это единство рушится. Это, конечно, — и я не буду стесняться в выражениях — либо бесцельная тоска по ушедшему, либо опасное лицемерие. Мы уже больше не представляем собой той группы народов, которая боролась против общего

врага. Мы не должны обольщать себя мыслью, что в мире могут существовать нормальные условия, пока мы не достигли подлинного соглашения, пока не установлены устойчивые взаимоотношения с Германией и Японией. Мы также не можем делать вид, будто верим, что болгарское правительство состоит из ангелов, а любое греческое правительство является бесовским сборищем, и тем более мы не можем утверждать, что египетское правительство является олицетворением всяческой добродетели, а нидерландское — воплощением всяческого зла. Даже если бы мы были тем же содружеством народов, что и прежде, характер нашей задачи был бы совсем другой. Нашей задачей в войне было сеять гибель и смятение в стане врагов. Теперь наша задача — восстановить порядок в мире. Поэтому, когда мы покончили с открытой войной, мы покончили и с единством целей. Далее, выбор методов ведения войны был ограниченным, тогда как в мирное время, даже при единстве целей, этот выбор сложен и разнообразен.

Как можем мы при таком отсутствии единства надеяться прийти к соглашению? Я со всей серьезностью заявляю, что единственная наша надежда заключается в том, чтобы все народы приняли в качестве аксиомы несколько основных и неоспоримых положений. Эти положения следующие: ни одна нация не может претендовать на исключительное обладание истиной, ни одна нация не является всеведущей и ни одна из них не является всемогущей. Ни один народ не может рассчитывать, что его точка зрения будет всегда принята всеми другими народами. Я не пытаюсь здесь утверждать, что мое правительство или те правительства, с которыми мы находимся в наиболее тесных отношениях, всегда правы и что в наших спорах проводимая нами внешняя политика всегда правильна или даже целесообразна. Иными словами, я не утверждаю, что в спорах или недоразумениях, имевших место в рамках Организации Объединенных Наций или вне ее, между Англией и Советским Союзом, между Америкой и Советским Союзом, между Францией и Советским Союзом, между Китаем и Советским Союзом, Грецией и Советским Союзом, Италией и Советским Союзом, Венгрией и Советским Союзом, Ираном и Советским Союзом, Турцией и Советским Союзом, — что во всех этих спорах правда и справедливость или даже целесообразность были только на стороне тех держав, которые находились в конфликте с Советским Союзом. Я этого не говорю. Но я утверждаю, что если вообще можно руководствоваться историей, то представляется весьма маловероятным, чтобы в этих спорах и в предлагаемых Советским Союзом методах их разрешения справедливость и мудрость всегда были на стороне Советского Союза.

Я пойду даже дальше этого. Начиная с 1917 года мы наблюдаем рождение великой нации. Мужество этого народа, бесстрашие, упорство и находчивость в борьбе с фашизмом утвердили Советский Союз как одну из первых

держав мира. Ни я и ни один член моего правительства не отрицаем законных притязаний России. Мы также не собираемся ограничивать ее законные стремления к расширению, стремления, которые присущи каждой великой нации в силу ее естественного роста и которые должны быть удовлетворены. Но если советское правительство — а мы, к сожалению, можем говорить только о советском правительстве, ибо не имеем возможности узнать о советском народе, — если советское правительство считает, что при всех ситуациях оно может настаивать на своем, если оно считает, что во всех областях его власть должна быть расширена, если оно полагает, что, давая характеристику какой-либо международной ситуации, оно может требовать, чтобы его версия была принята всеми, тогда я безоговорочно утверждаю, что не только будет разрушена Организация Объединенных Наций в том виде, в каком мы ее знаем теперь, но и неустойчивый мир на земном шаре рухнет, поставив нас перед целым рядом чудовищных последствий, на которые не так давно обращал наше внимание г-н Вышинский.

Существуют еще три условия для сохранения мира, которые я позволю себе предложить вниманию Ассамблеи. Каждая держава должна в разумной мере согласиться на присутствие в пределах ее территории граждан дружественных держав, включая аккредитованных представителей печати и добросовестных сотрудников международных организаций. Каждая держава должна последовательно придерживаться такой позиции и трезво оценивать конкретные факты в своих жалобах, суждениях и взаимоотношениях с внешним миром. Кроме того, при разрешении в международном масштабе возникающих проблем государства не должны в тех вопросах, которые затрагивают весь мир, легкомысленно пренебрегать мировым общественным мнением.

Позвольте мне, рассматривая весьма драматическое выступление г-на Вышинского в Ассамблее, попытаться проиллюстрировать примерами некоторые из высказанных мною соображений. Я не буду останавливаться на спорных вопросах; они сами говорят за себя. Г-н Вышинский жалуется на недостаток сотрудничества со стороны Соединенных Штатов; г-н Вышинский, занимая такую позицию, несомненно, разыгрывает комедию и пользуется случаем, чтобы развлечь Ассамблею. Почему в таком случае он не приводит в качестве примера вежливости, покорности, униженности, уступчивости, мягкости и желания сотрудничать своего выдающегося коллегу и нашего друга г-на Громыко? Почему в качестве известного и неоспоримого доказательства желания Советского Союза сотрудничать во всякое время он не привел протоколы Совета Безопасности, в которых числятся 20 случаев использования его правительством права вето и где ни разу не упоминается о пользовании правом вето моим бедным, воинственным, надменным и властолюбивым правительством?

Я также не буду касаться столь же комичной картины, которую в августе прошлого года нарисовал перед Ассамблеей г-н Вышинский, изображая, как бедный и запуганный Советский Союз трепещет от угроз Афин и Анкары.

Г-н Вышинский довольно подробно остановился на греческом вопросе. Он неоднократно говорил об угрозе, которую представляет собой Греция не только для Советского Союза, но и для ее трех соседей. Такое заявление ни на кого, конечно, не произвело впечатления. Всем известно, что соотношение вооруженных сил Греции и армий ее соседей — примерно один к пяти, но г-н Вышинский хочет нас убедить в том, что эти три соседние с Грецией государства боятся честолюбивых замыслов Греции. Я хотел бы, между прочим, высказать одно соображение. Комментируя включение греческого вопроса в повестку дня Ассамблеи, г-н Вышинский заявил, что обвинения, выдвинутые Соединенными Штатами против Югославии, Болгарии и Албании, представляют «совершенно произвольными и бездоказательными». Он также повторил весьма распространенное сейчас ложное утверждение относительно некоторых заинтересованных в этом вопросе противников Греции. Г-н Вышинский заявил, что заключения Комиссии не поддерживаются и половиной ее членов. Это, конечно, совершенно не соответствует действительности. Заключения Комиссии, о которых г-н Вышинский отзывается как о совершенно произвольных, поддерживаются, как известно, восемью из одиннадцати членов Комиссии. Двое из тех членов, которые не одобрили заключения Комиссии, по странной случайности являются представителями советского и польского правительств.

Я не собираюсь подробно останавливаться на весьма оскорбительном выпаде, сделанном против г-на Уинстона Черчилля, которого оратор сравнил с Гитлером. Г-н Черчилль является моим политическим противником. Я часто с ним не согласен. Я, однако, горячо желаю ему многих лет доброго здоровья, что позволило бы мне продолжать оставаться его противником. Я надеюсь, Ассамблея разрешит мне сказать, что заслуги г-на Уинстона Черчилля в войне с фашизмом неизмеримо выше заслуг любого известного мне коммуниста любой страны, участвовавшей в этой войне. Я надеюсь, что Ассамблея меня не осудит, если я воспользуюсь этим случаем, чтобы напомнить о том, как Уинстон Черчилль в 1940 году и весной 1941 года ходил по улицам Лондона, являя собой пример мужества населению Англии и всей Европы, ходил, не обращая внимания на немецкие бомбы, причем немецкие самолеты, насколько нам известно, летали на русском бензине.

Теперь позвольте мне рассмотреть речь г-на Вышинского с точки зрения последовательности позиции, наличие которой, я настаиваю, является существенным условием ответственного выполнения нами наших функций в решении вопросов международного характера. Я ограничусь

рассмотрением того, что он сказал. Если бы я захотел обсуждать действительность Советского Союза, я мог бы привести множество примеров, ибо позицию советского правительства на международных конференциях предугадать совершенно невозможно. Это происходит отчасти потому, что советская терминология, судя хотя бы по внешней стороне, не допускает оттенков во мнениях. Каждая ситуация представляется либо черной, либо белой, или, выражаясь более точно, окрашивается либо в черный, либо в красный цвет. Критерии, руководствуясь которыми сегодня можно охарактеризовать какое-либо положение в самых отвратительных красках, завтра применяются для того, чтобы представить другую ситуацию в наиболее положительном свете.

Г-н Вышинский жалуется, например, на то, что Соединенные Штаты, поднимая в Ассамблее корейский вопрос, нарушили соглашение, заключенное в Москве в декабре 1945 года, о методах, которыми надлежит руководствоваться, чтобы подготовить корейский народ к независимости. Да будет мне позволено мимоходом упомянуть, что мое правительство, безусловно, всегда было заинтересовано в этом вопросе, и мы ожидаем от Соединенных Штатов, что они в соответствующем месте смогут доказать, что ими исчерпаны все возможности намеченных в Москве методов работы. Самое важное в данном случае, однако, то, что г-н Вышинский заявляет, что вынесение этого вопроса на обсуждение Организации Объединенных Наций противоречит международной практике ввиду заключенного между его правительством и правительством Соединенных Штатов соглашения.

В той же речи, однако, он находит уместным упомянуть, что заявление, поданное в Совет Безопасности Египтом, вполне соответствует международной практике, хотя не оспаривается факт заключения в 1936 году соглашения между Египтом и моим правительством, соглашения, которое еще в течение девяти лет остается в силе и касается именно тех вопросов, которые являются предметом спора в Совете Безопасности. Кроме того, в своих нападках г-н Вышинский, столь часто и вполне законно выступающий в защиту зависимых народов, не потрудился сообщить Ассамблее о том, что одна из причин, собственно главная причина, почему были прерваны добровольно начатые моим правительством переговоры, заключалась в том, что британское правительство настаивало на недопустимости, как бы это выгодно ему ни было, использовать в качестве предмета политического торга право суданского народа самому в соответствующее время установить свой собственный статус.

В данном случае мы имеем дело с одним из тех внезапных поворотов и изменений мнения, тех непоследовательностей, которые невозможно предугадать и которые являются характерной чертой поведения советского правительства.

Пожалуй, было бы теперь уместным на время оставить этот вопрос и как можно более кратко ответить на выпады, сделанные против моего правительства представителем Египта в его речи на восемьдесят седьмом пленарном заседании Ассамблеи. Он неоднократно повторял свою жалобу на то, что британские войска вот уже 65 лет находятся в Египте без согласия на то египетского народа и его правительства. Я не буду обсуждать этот вопрос. Он был детально рассмотрен в Совете Безопасности, но я уверен, что Ассамблея позволит мне заявить, что, по крайней мере с 1914 по 1918 год, британские войска были желанными гостями в Египте; они были желанными также и тогда, когда совместно с нашими африканскими, австралийскими, новозеландскими и индийскими товарищами по оружию отогнали фашистов от Эль-Аламейна. Представителю Нокраши-паши не подобает, выступая с этой или другой трибуны, пренебрегать договором 1946 года, особенно если принять во внимание, что Нокраши-паша сам подписал этот договор.

Но позвольте мне вернуться к выступлению г-на Вышинского. Вот другой пример явной непоследовательности, настолько явной, что, я уверен, сам г-н Вышинский, живым умом которого восторгается вся Ассамблея, не мог ее не заметить. Он позволил себе сделать еще один выпад, и я уверен, не последний, против плана Маршалла и Парижской конференции. Надеюсь, меня не поймут так, будто я возражаю против самого факта этого выпада. Но г-н Вышинский, воспитанный в духе марксизма и выступающий теперь в качестве проповедника свободной экономики, горячо заступился за суверенные права европейских стран. Как уже часто здесь говорилось, существует много различных концепций суверенитета, и я в дальнейшем остановлюсь на некоторых из них. Однако что касается 16 стран, пославших своих представителей в Париж, то никто их к этому не принуждал ни силой, ни оказанием какого-либо политического давления и не проявлял по отношению к ним какой-либо политической дискриминации. Правительства этих стран рассмотрели полученное от г-на Бидо и нашего министра иностранных дел г-на Эрнеста Бевина совместное приглашение и по своей доброй воле приняли его. Я уверен, что таким же образом другие страны по доброй воле отклонили это приглашение. Решение участвовать или не участвовать в Парижской конференции было исключительно делом каждой из приглашенных стран.

Но г-н Вышинский с присущим ему ораторским искусством приводит себя в состояние благородного возмущения по поводу того, что тем странам, которые послали своих представителей в Париж, было предложено совместными усилиями в определенных рамках планировать экономику Европы. Причина возмущения г-на Вышинского основана на том — и здесь я цитирую его самого, — что эти страны обладают «неотъемлемым правом распоряжаться своими экономическими ресурсами, и планировать по-своему

свое национальное хозяйство»³. Это прекрасно. Мне это представляется чрезвычайно разумным. Это и есть то условие, которое они соблюдали, собравшись в Париже; упомянутое право является той прерогативой, которую мое правительство сохраняет за собой, участвуя в выработке лишь тех совместных экономических планов, которые оно считает целесообразными. Но г-н Вышинский далее заявляет, что у Соединенных Штатов имеются коварные замыслы, что они нарушают мир и разрушают мировую систему. Почему? По-видимому потому, что Соединенные Штаты желают воспользоваться своим неотъемлемым правом распоряжаться своей собственностью, то есть тем правом, которое г-н Вышинский предоставляет каждой европейской державе, но в котором он безоговорочно отказывает Соединенным Штатам.

Здесь нет никакой последовательности. Здесь именно та непоследовательность, которую мы всегда связывали с безудержной и безответственной пропагандой, которой не должно быть места, я повторяю, не должно быть места в выступлениях как отдельных лиц, так и правительств, если мы стремимся к общим соглашениям. Если мы хотим обсудить стоящие перед нами проблемы, то, как мне представляется, самое главное — сохранять последовательность в нашем отношении к этим проблемам. Например, мы должны стараться применять одни и те же критерии, обсуждая ситуацию, сложившуюся в Египте, Греции или Индонезии, и должны пользоваться одними и теми же критериями, когда мы обсуждаем вопрос, могущий, по нашему мнению, нарушить международный мир, ибо то, что представляется опасным в Индонезии, должно считаться опасным и в Иране.

Если мы хотим добиться общего соглашения в международном масштабе и общей устойчивости, то кроме трезвого анализа фактов со стороны соответствующих правительств, кроме последовательного применения ими одинаковых критериев и суждений, должно быть также, как я уже указывал, желание народов в определенных и общепризнанных границах подчиняться соображениям международного значения, а также принимать и выполнять решения и рекомендации всех народов.

Г-н Вышинский высказал здесь некую концепцию, на которую в прошлом году обратил наше внимание г-н Молотов и которая полностью идет вразрез с вышеуказанными требованиями; она меня, признаюсь откровенно, беспокоит. Это — концепция абсолютного суверенитета.

Мне думается, что за настойчивым советским утверждением идеи абсолютного суверенитета скрываются тактические соображения. Профессор Коровин, крупнейший юрист Советского Союза и известный международный деятель, которого я помню в качестве члена советской делегации

в прошлом году, в своей лекции, помещенной в «Правде» от 3 мая 1947 года, заявляет следующее:

«Суверенитет, в советском понимании генералиссимуса Сталина, является орудием борьбы» — этот термин достоин внимания; конечно, это только перевод — «является орудием борьбы прогрессивно-демократических сил против реакционно-империалистических сил. Суверенитет в современных условиях призван служить и правовым и международно-политическим барьером для защиты от империалистических посягательств и для обеспечения возможности построения наиболее передовых, общественных, государственных форм — социалистических и народно-демократических».

19 октября 1946 года профессор Коровин в своей статье, напечатанной в «Большевике», говорил, что в вопросах суверенитета традиционная доктрина международной политики капиталистических государств ставит себе целью максимальное ограничение, чтобы не сказать ликвидацию, концепции суверенитета в мире, где существуют эксплуататоры и эксплуатируемые, слабые и сильные, метрополии и колониальные территории. Ослабление этим самым как суверенитета, так и других юридических гарантий национальной независимости и свободы послужит лишь выгоде сильных, а не слабых. В мировом парламенте, говорит он, англо-американская группа может рассчитывать на поддержку большинства, и такие проекты представляют собой лишь попытку блока держав диктовать свою волю миру.

Мы, конечно, все понимаем опасения советского правительства в этом отношении. Это — растущая держава, она предполагает и ее предположения подтверждаются опытом, что по многим вопросам у нее будет меньше друзей и меньше голосов, чем у прочно сложившихся государств. Однако каждому должно быть ясно, что если мы будем придерживаться исторически устаревшей концепции абсолютного суверенитета, мы немедленно создадим преграды на пути к международному соглашению. В некотором смысле можно утверждать и даже доказывать, что каждый договор сам по себе уже является ущемлением национального суверенитета. Участие в любой международной организации фактически отнимает какую-то долю национального суверенитета. С этим могут быть связаны некоторые неудобства, хотя я так не думаю. Несомненно, однако, что недостаток взаимного сотрудничества, как указал г-н Вышинский, гораздо опаснее. Это значит, что если мы станем на этот путь, мир расколется на две части.

Г-н Вышинский в подтверждение своей теории цитирует Устав, толкуя его, как мне кажется, неправильно. Устав не настаивает на абсолютном суверенитете. Он настаивает на суверенном равенстве государств — членов Организации, и эта формула является решающей; она говорит о том, что одно государство жертвует тем же, чем жерт-

³ См. 84-е пленарное заседание.

вует и другое. Это основа каждого международного соглашения: обе стороны соглашения добровольно в определенных целях жертвуют некоторыми элементами своего суверенитета.

В самом деле, это положение получило правовое признание, что подтверждается тем фактом, что мы собрались здесь. Существуют проблемы не только политического характера, но и экономического и социального характера, которые, как признают наши правительства, не могут быть разрешены в одностороннем порядке. Полная занятость, снижение заболеваемости, борьба с голодом, производство энергии, не говоря уже о локализации конфликтов, — все эти проблемы, по общему мнению экспертов и правительств современных государств, разрешимы лишь в порядке международных мероприятий.

Поэтому, если народы не согласятся собраться и на справедливых началах обсудить проблему добровольного ограничения суверенитета, существование Организации Объединенных Наций потеряет смысл, а наше присутствие здесь превратится в фарс. При отсутствии такого отношения к делу деятельность Ассамблеи, Совета Безопасности, любых других советов и всех связанных с ними вспомогательных органов нарушается и парализуется. Эти органы станут орудием, посредством которого державы будут добиваться национальных выгод и перестанут быть орудием, созданным для общей пользы всего мира.

Мне хотелось бы повторить еще раз, что я, как и все мои друзья, понимаю многие подозрения Советского Союза и некоторые из его опасений. От имени моего правительства я еще раз заявляю, что мы всегда искренне стремились и стремимся признать законные притязания Советского Союза. Я повторяю, что мы, как это уже известно правительству Советского Союза, горячо желаем установить с ним возможно более дружественные взаимоотношения. Мы предлагали продлить наш договор. Мы вступили с ним в торговые переговоры и при условии, что Советский Союз выполнит свои текущие финансовые обязательства, мы более чем охотно продолжим эти переговоры. Мы принимаем участие во всех международных конференциях, которые, по мнению Советского Союза, могут способствовать международному благосостоянию. Мы настаивали на ратификации мирных договоров. Мы стремимся сотрудничать с Советским Союзом в Германии и Японии. Мы готовы во всякое время предоставить в распоряжение советского правительства все дипломатические акты, все конференции, все имеющиеся международные акты и присоединиться к советскому правительству и к другим государствам в целях создания на земном шаре условий мира и устойчивости.

Я могу дать наглядные примеры нежелания сотрудничать и той настойчивости, которую проявляют некоторые государства в своих притязаниях на присвоение им прав, которыми не поль-

зуются другие, приведя некоторые исторические справки из работы Комиссии по вооружениям обычного типа и Комиссии по атомной энергии, проведенной ими в прошлом году.

Г-н Вышинский весьма кстати обратил наше внимание на неудачу Организации Объединенных Наций удовлетворительным образом выполнить резолюцию 41 (I) Генеральной Ассамблеи, принятую в декабре прошлого года, о регулировании и сокращении вооружений⁴. Не может быть сомнения в том, что г-н Вышинский, настаивая на значении этой работы, оказал Ассамблее и каждому представленному в ней правительству услугу.

Г-н Вышинский, конечно, представил свое правительство в виде ангела мира. Он утверждает, что Великобритания и Соединенные Штаты сделали заключение соглашения в этой области невозможным, ибо предложили — я цитирую слова г-на Вышинского — «такие условия сокращения вооружений, которые не могли не привести к срыву выполнения указанного решения Ассамблеи». Советское правительство, напротив, «предприняло ряд шагов для того, чтобы содействовать положительному разрешению этого вопроса»⁵.

Если мы присмотримся к работе Комиссии по атомной энергии, мы увидим, что 10 из 12 членов Комиссии продолжали в течение всего года разработку планов контроля над атомной энергией в указанном Ассамблеей направлении. Мы также сможем убедиться, что эта работа задержалась, потому что представитель Советского Союза, который, к счастью, в Комиссии не располагает правом вето, в течение целого года неотступно руководствовался только собственным толкованием этого вопроса и отказывался поэтому соглашаться с тем планом, который разрабатывался подавляющим большинством членов Комиссии. Трудно представить, чтобы представители десяти стран большей частью были не правы, и по меньшей мере странно называть противодействие одного члена Комиссии сотрудничеством в выработке международных мероприятий.

Я не могу не согласиться с тем, что в работе Комиссии по вооружениям обычного типа, созданной Советом Безопасности в марте месяце, произошли задержки. Виной некоторых из них, как мне было сказано, являются случайные причины и значительная рабочая нагрузка. Но основной причиной задержек снова является отказ Советского Союза признать демократический принцип воли большинства. Даже в тех случаях, когда советская делегация находилась в единственном числе или имела меньшинство в один-два голоса, она настаивала на том, что долг большинства — подчиниться воле Советского Союза.

⁴ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, стр. 62—63.

⁵ См. 84-е заседание.

Позвольте мне для тех представителей, которые не знакомы с деталями вопроса и могут подумать, что я преувеличиваю, привести один пример такого отношения к делу. В начале своей работы Комиссия по вооружениям обычного типа учредила Подкомитет в составе пяти постоянных членов Совета Безопасности и поручила ему составить план работы. Вниманию Подкомитета было предложено два проекта плана: один — составленный представителем Соединенных Штатов, другой — представителем Советского Союза. Здесь нет необходимости останавливаться на достоинствах или недостатках представленных проектов, однако следует отметить, что проект, представленный Соединенными Штатами, был поддержан четырьмя делегациями, а проект Советского Союза получил одобрение лишь самой советской делегации. Тем не менее целые дни были потрачены на обсуждение советского проекта, прежде чем Подкомитет большинством голосов (четыре против одного) принять решение и представить Комиссии свое заключение в пользу проекта Соединенных Штатов. В Комиссии были высказаны те же аргументы и с теми же примерно результатами.

Но этим дело не кончилось. Когда Комиссия представила свой доклад Совету Безопасности, было затрачено еще невероятное количество времени, прежде чем нынешний план работы был принят — не ничтожным большинством, а девятью голосами против двух. Даже теперь, да будет мне позволено напомнить Ассамблее, советский представитель заявил в Рабочем комитете Комиссии, что советская делегация будет и впредь придерживаться советского плана работы, неоднократно отклоненного большинством.

Я не собираюсь прежде всего и главным образом подчеркивать, что советский план неудовлетворителен. В мою задачу не входит как-то особо обратить внимание на поведение делегации Советского Союза. Я хочу лишь подчеркнуть то, что не стоит здесь говорить о равенстве, когда под равенством в действительности понимается возможность для той или иной делегации, какую бы страну она ни представляла, присваивать себе права, которые она не признает за другими делегациями, и настаивать на том, что только выработанный ею план является приемлемым. При таком отношении к делу ни работа Организации Объединенных Наций, ни работа какой-либо международной конференции не сможет вестись успешно.

Из вышесказанного ясно, что, несмотря на то что в Комиссии по атомной энергии и в Комиссии по вооружениям обычного типа не существует права вето, представитель Советского Союза изобрел новое оружие: вето путем обструкции. Он систематически задерживал работу не тем, что говорил «нет», а тем, что уклонялся от сотрудничества, не подчиняясь мнению подавляющего большинства.

Что касается атомной энергии, вопроса, которому не без основания г-н Вышинский наряду с другими представителями уделяет столько внимания, то здесь утверждается, будто Соединенные Штаты отказались запретить атомное оружие или разрешить немедленную инспекцию ответствующих заводов. Насколько я разбираюсь в этом вопросе — а это было бы странным, если бы я не пытался в нем разобраться, — Соединенные Штаты согласны запретить атомное оружие, как только во всех деталях начнет действовать эффективная система коллективной безопасности. На этих же условиях Соединенные Штаты, насколько я понимаю, согласны не только на инспекцию заводов, но даже на фактическую передачу этих заводов в собственность и под управление международного органа или комиссии. Меня не интересует, какие газетные утки цитируются здесь в Ассамблее.

Если мое понимание точки зрения Соединенных Штатов можно подтвердить соответствующими документами, если представитель Соединенных Штатов готов подняться на эту трибуну и подтвердить, а я не сомневаюсь, что он это сделает, — что именно таково мнение американского правительства, тогда я считаю, что предложение Соединенных Штатов является одним из самых замечательных предложений, когда-либо сделанных в истории вопроса о разоружении. Если мое заявление хотят опровергнуть, то пусть г-н Вышинский снова поднимется на трибуну и сообщит нам о какой-либо монополии Советского Союза в отношении вооружений, которую его правительство согласно и желало бы передать в собственность и под контроль международного органа.

Позвольте мне, для того чтобы правильно представить себе этот вопрос в перспективе, задержать ваше внимание на предложениях Советского Союза о контроле над атомной энергией. Следует отметить, что эти предложения были официально внесены только 11 июня. Вследствие этого запоздания они в известной степени шли вразрез с планами, которые уже разрабатывались другими членами Комиссии. Тем не менее правительство Его Величества сочло своим долгом рассмотреть предложения Советского Союза со всей благожелательностью. На первый взгляд эти предложения не гарантировали той необходимой безопасности, которая оправдывала бы международный контроль над этой опасной силой, открытой наукой. Но, несмотря на это, мое правительство сочло необходимым как можно точнее понять основную мысль советского предложения. С этой целью мы предложили вопросник. С полученными ответами могут ознакомиться все делегаты. Сообщенные нам данные, однако, не содержали в себе той гарантии, на которую мы рассчитывали, и нам фактически не оставалось иного выбора, как направить свои усилия на разработку того плана, который уже готовился большинством Комиссии. Представляется желательным, чтобы Ассамблея зна-

ла, что, хотя предстоит сделать еще многое для завершения этого плана и этот вопрос должен и дальше пристально и детально изучаться, указанный план разрабатывается в направлении, которое обещает удовлетворить требования всеобщей безопасности.

Если Ассамблея — а это является важным соображением — обеспокоена промедлениями в работе обеих Комиссий, успехи которых, однако, нельзя недооценивать, она обязана удостовериться в причинах такой задержки. Я уверен, что она придет к тому же заключению, о котором я уже упомянул, что вину за эти задержки следует возложить на правительство Советского Союза.

Позвольте мне также заявить следующее: ни одна страна в мире не осведомлена лучше в вопросах разоружения, чем наша. Мы разоружились настолько, что в начале прошлой войны чуть было не оказались разбитыми. Никто не выказывал столько желания сотрудничать в международном масштабе во всех предложениях о разоружении, как наша страна. Но, будучи свободно избранным правительством, мы имеем по отношению к нашим свободным избирателям некоторые обязательства и, не располагая соответствующими средствами обороны, не должны вновь подвергать опасности жизнь наших соотечественников. Обвинения в том, что мы являемся подстрекателями войны, которые были брошены здесь в наш адрес, не соответствуют истине. Мы разоружились, мы демобилизовали нашу армию и продолжаем ее демобилизовывать. Мы, как я указывал, сотрудничаем в вопросах разоружения и будем продолжать наше сотрудничество в этом направлении.

Со всей ответственностью от имени моего правительства я еще раз повторяю, что не может быть систематического разоружения без коллективной безопасности как его основы, и мое правительство обещало и обещает вновь, что если народы приступят к созданию такой коллективной безопасности, в которой будут сотрудничать все, Великобритания будет в первых рядах и внесет свой вклад в это общее и важное дело. Вооружение — это результат неуверенности; поэтому разоружению должна предшествовать безопасность, и мы неуклонно идем в этом направлении.

Однако путь к безопасности остается закрытым, пока существует чувство недоверия среди народов, на которые главным образом возложена задача создания этой безопасности. Одним из путей к ее достижению является взаимное доверие между главными союзниками. Кроме того, пока существует атмосфера тайн и обособленности, существует и возможность взаимного недоверия. Когда г-н Вышинский на восьмидесят четвертом пленарном заседании заявил — а у меня нет оснований сомневаться в его искренности, — что его правительство обеспокоено, огорчено и раздражено заявлениями отдельных американцев о том, что Советский Союз готовит-

ся к войне и якобы является поджигателем войны, мне хотелось бы сказать, что ответом на такие выступления не должно быть лишение свободы отдельных американцев или англичан или закрытие тех или иных американских и английских газет. Ответом должен быть широкий доступ в Советский Союз для того, чтобы страны и народы, которые питают большую симпатию к новой растущей державе, могли ее узнать. Ответом не должна быть критика государств за то, что они позволяют своим гражданам свободно высказываться, а стремление к тому, чтобы все страны терпимо относились к взглядам, высказываемым гражданами свободных государств. Истине не нужны ни хитрость, ни защита.

Г-н Вышинский обвинял нас также в том, что мы хотим расколоть Европу. Это чудовищное обвинение и удачный пример для моего аргумента. Как только окончилась война в Европе, после конференции в Потсдаме, все наши заявления основывались на экономическом единстве Германии и на необходимости того, чтобы это экономическое единство под соответствующим контролем содействовало восстановлению всей Европы. Отрицательное отношение к нашим усилиям и отказ в сотрудничестве свели наши попытки на нет.

Здесь будет уместно повторить то, что было сказано в палате общин, а именно, что на предстоящей в ноябре сессии Совета министров иностранных дел у нас будет, по-видимому, едва ли не последняя возможность достичь соглашения по делам Европы. Далее, мы совершенно определенно заявили и повторяем это, что мы поддерживаем предложение заключить договор четырех держав в целях обеспечения безопасности в отношении Германии; мы по-прежнему согласны участвовать в совместной гарантии мира в Европе путем заключения особого пакта. Раздел Германии, отказ от заключения договора, который мог бы обеспечить мир в Европе, — это не наша инициатива.

Боюсь, что я ломился в открытую дверь. Если это так, то я делал это не из тщеславия, а вследствие искренне ощущаемого мною беспокойства. Совершенно очевидно, что если все страны изъявят желание сотрудничать, то наша Организация сможет работать. У нас нет оснований расходиться по политическим и тем более по территориальным вопросам.

Г-н Молотов заявил в Ассамблее в прошлом году: «Наш народ стремится к прочному миру и считает, что только в условиях мира могут быть обеспечены экономическое благополучие и действительное процветание на долгие годы, а вместе с тем и свободная жизнь простых людей и всего человечества»⁶. Это также является целью и моего правительства. Именно поэтому мы и принимали участие в каждой стадии работы Организации Объединенных Наций и со-

⁶ См. *Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи*, пленарные заседания, стр. 84.

трудничали в каждой международной конференции. Мы не питаем чувств неприязни ни к Советскому Союзу, ни к какому-либо другому народу. Наши цели ясны, наши двери открыты, наша пресса, наш народ и наш парламент свободны. Я повторяю, что Организация Объединенных Наций является одновременно главной пружиной нашей политики и главным механизмом ее выполнения. Нам нечего скрывать. Мы готовы сотрудничать для достижения той цели, о которой мы только что говорили.

Г-н Масарик на 87-м пленарном заседании сказал нам, что главными составными элементами Европы являются малые нации. Г-н Бидо в сильной и яркой речи утверждал, что современная Европа является сердцем и центром нашей цивилизации, и вместе с тем нашей самой сложной проблемой. Я понимаю, что хотели сказать оба оратора. Речи их обоих меня взволновали, однако, мне кажется, ни один из них не был полностью прав.

Как уже часто указывалось, мы являемся здесь представителями простых людей, о которых говорил здесь г-н Молотов, мы представляем тех незаметных и непрославленных Мильтонов и Кромвелей, которые не запятнали себя кровью своих соотечественников. Кто бы ни составлял Устава, кто бы его ни подписывал, настоящим автором его являются простые люди. На короткий миг они могут оказаться под гнетом того или иного режима, того или иного деспота или тирана, но только на короткий миг. Героизм и упорство простых людей составят историю, и я заявляю, что мы собрались здесь как хранители Устава, который политически и экономически во всяком случае воплощает сейчас судьбу простого человека. Если мы посягнем на этот Устав, если мы его нарушим или не выполним его положений, если мы явились сюда гордые сознанием своей силы, полные высокомерия и хитрости, мы на какое-то время, может быть, и достигнем успеха, но история, которая делается простым народом, нас обгонит и проклянет навеки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Слово предоставляется представителю Колумбии.

Г-н ЛОПЕС (Колумбия) (*говорит по-английски*): В последние дни работы первой сессии Генеральной Ассамблеи вера в успех Организации Объединенных Наций была огромна. Немногие из нас, если таковые вообще были, покидая зал в декабре прошлого года, предвидели, что через шесть месяцев Организация Объединенных Наций как орудие мира и безопасности во всем мире окажется не на высоте своих задач, подобно тому, как это случилось с Лигой Наций. Никто из нас не думал, что мы вернемся сюда, преследуемые чувством страха перед новой войной.

Мы собрались здесь в октябре 1946 года в атмосфере всеобщего безразличия и пессимизма:

пессимизма, явившегося результатом разочарований, связанных с Парижской конференцией, на которой великие державы безуспешно пытались достичь соглашения о мирных договорах с агрессорами тоталитарных стран; поразительного безразличия, проявленного населением этого великого города.

Приехавшие на сессию представители не были встречены с ободряющим энтузиазмом. Напротив, район Вестчестер и соседние с ним районы совершенно определенно высказались против того, чтобы там была расположена штаб-квартира нашей Организации. К счастью, атмосфера изменилась к лучшему в течение последующих недель. Сан-Франциско, Филадельфия и Бостон гостеприимно пригласили Объединенные Нации расположиться в их пределах, предложив нам существенное содействие и вступив, таким образом, в соревнование с городом Нью-Йорком. Когда семья Рокфеллеров изъявила желание поднести в качестве дара Организации участок земли, на котором органы Объединенных Наций могли бы превосходно разместиться, мы все уже чувствовали уверенность в том, что Организация в этой стране сможет пользоваться несравними возможностями для выполнения своих задач.

Тем временем тон наших дебатов по наиболее спорным вопросам, стоящим на нашей повестке дня, послужил причиной известного оптимизма общественности в отношении возможностей добиться удовлетворительного международного сотрудничества путем дискуссий и взаимных уступок. Оптимизм этот достиг высшей точки, когда г-н Спаак в своей прощальной речи⁷ выразил удовлетворение, которое мы все испытывали относительно успехов Генеральной Ассамблеи.

Ассамблея действительно выполнила весьма полезную работу. Некоторые из ее наиболее важных резолюций заключали в себе немалые обещания лучшего будущего. Члены Ассамблеи, вероятно, припомнят, что Совету Безопасности было поручено выработать и представить специальной сессии Генеральной Ассамблеи на рассмотрение в порядке очередности конкретные мероприятия, необходимые для обеспечения общего регулирования вооружений и контроля над ними и для гарантии того, что это регулирование и контроль, включая сообщение данных о численности войск и вооружений, будут соблюдаться всеми участниками, а не в одностороннем порядке некоторыми из них.

До сих пор, однако, среди постоянных членов Совета Безопасности не было достигнуто соглашения относительно указанных мер ни в области вооружений обычного типа, ни в области контроля над атомной энергией, ни по вопросу исключения из национального вооружения всех главнейших орудий массового разрушения, ни в отношении тех вооруженных сил, которые должны

⁷ См. *Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи, пленарные заседания*, стр. 392.

быть предоставлены в распоряжение Совета Безопасности для поддержания международного мира и безопасности, ни по поводу вывода иностранных войск, находящихся на территориях членов Организации без их согласия.

Постоянные и бесплодные усилия, продолжавшиеся многие месяцы, не дали надежд на скорое достижение соглашения между Советским Союзом, с одной стороны, и Китаем, Францией, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами Америки, с другой.

Совет Безопасности в течение последних восьми месяцев заседал сто тринадцать раз; но как ни старались члены Совета прийти к конкретным решениям, Совет может похвалиться лишь ничтожными результатами.

Приступить удовлетворительным образом к выполнению резолюций Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1946 года⁸ оказалось невозможным ввиду постоянного расхождения точек зрения великих держав, что нашло свое выражение в выступлениях представителей соответствующих стран по поводу очередности, в которой должны обсуждаться различные аспекты разоружения. По мнению Соединенного Королевства, к практическим мероприятиям в области регулирования и сокращения вооружений и вооруженных сил можно приступить лишь после того, как будут закончены планы создания коллективной безопасности. Советский Союз утверждал, что общее регулирование и сокращение вооружений являются предварительным условием коллективной безопасности. Соединенные Штаты упорно придерживаются того мнения, что лишь после того как будет заключен мир и будет полностью организована коллективная безопасность, станет возможным провести сокращение вооружений. Соединенные Штаты настаивают на том, что строгий международный контроль над атомной энергией должен быть установлен ранее запрещения и упразднения атомного оружия. Государственный секретарь Маршалл в своем обращении к Ассамблее в совершенно определенных выражениях еще раз подтвердил отношение своего правительства к этому вопросу.

Однако наши ожидания были обмануты не только неудовлетворительными результатами работы Совета Безопасности. Весьма важные резолюции Генеральной Ассамблеи также оказались невыполненными, если мне позволено будет это заметить. Подобно тому как воля большинства в Совете Безопасности неоднократно парализовалась требованием соблюдения принципа единогласия постоянных членов Совета, так воля большинства в Ассамблее не выполнялась из-за несоблюдения некоторыми государствами ее рекомендаций.

Не все правительства государств — членов Организации отзывали в соответствии с реко-

⁸ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, резолюции 41(1) и 42(1).

мендациями⁹ своих полномочных представителей, аккредитованных при испанском правительстве Франко. Генеральная Ассамблея торжественно заявила о том, что положение индийцев в Южно-Африканском Союзе должно соотнобразовываться с международными обязательствами, принятыми на себя двумя правительствами по соглашениям, заключенным между ними, и подчиняться положениям Устава¹⁰. Однако в своем ответе на жалобу Индии¹¹ относительно того, что правительство Южно-Африканского Союза не принимает мер для выполнения прошлогодней резолюции Ассамблеи, Южно-Африканский Союз утверждает, что упразднение всех расовых различий в Союзе повело бы к немедленному хаосу и катастрофе, нарушив условия равновесия, которое необходимо для благоприятного развития всех групп населения страны¹².

Более того, мы все хорошо помним, как 19 ноября 1946 года Ассамблея единогласно приняла декларацию о том, что в высоких интересах человечества необходимо немедленно положить конец так называемым расовым преследованиям и дискриминации, и предложила правительствам и управляющим властям соблюдать букву и дух Устава и принять срочные и энергичные меры для выполнения указанной декларации¹³. Тем не менее в этом направлении не было предпринято никаких шагов. Расовая и религиозная дискриминация процветает не только на Ближнем и Дальнем Востоке, но также и в самом центре западной цивилизации. Если бы дискриминации не было, то не было бы и еврейского вопроса. У нас не было бы в Европе концентрационных лагерей для перемещенных лиц. Весьма печально, что спустя два года после прекращения военных действий в Германии четыре свободы так же недостижимы для широких масс, как и в 1939 году. Рядовому человеку особенно ясно, что со смертью президента Рузвельта эти четыре основные свободы потеряли своего наиболее сильного и искреннего поборника. В Старом свете нет пока еще ни мира, ни безопасности.

Вместо мира, свободы и экономической обеспеченности мы наблюдаем, как напомним нам в своем высокоавторитетном заявлении государственный секретарь г-н Маршалл, угрозы, репрессии и острую нужду. Такова, по нашему мнению, краткая характеристика положения, которое Генеральной Ассамблее придется рассматривать на ее второй очередной сессии.

Однако, если мы оглянемся назад на все имевшие место тревожные явления, то вместо того, чтобы ощущать уныние или раздражение, мы с удовлетворением вспомним слова бывшего государственного секретаря г-на Бирнса, сказанные

⁹ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, резолюция 39(1).

¹⁰ Там же, резолюция 44(1).

¹¹ См. документ A/373, стр. 14.

¹² См. документ A/387, стр. 11 и 12.

¹³ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии, резолюция 103(1).

в одном из его обращений по радио к американскому народу вскоре после возвращения из Парижа. «Примирение противоположных точек зрения победоносных союзников, — сказал он, — когда подходит время договориться об условиях мира, всегда является трудной задачей; однако лучше, чтобы мир стал свидетелем столкновения различных мнений, нежели вооруженного конфликта».

Делегация Колумбии твердо верит в то, что ключ к миру находится в возможности народов свободно обсуждать свои разногласия до тех пор, пока не будет найдено их удовлетворительное разрешение. В прошлом году в ходе общих прений мы заявили, что сомневаемся в том, что большинство голосов или право вето могут сами по себе гарантировать общий мир. Колумбия неохотно согласилась на предоставление права вето пяти постоянным членам Совета Безопасности и с самого начала неуклонно поддерживала предложения, направленные на разрешение споров, возникающих в связи с толкованием и применением статьи 27 Устава.

Мы поэтому охотно присоединяемся к предложению изменить условия применения принципа единогласия в отношении рекомендаций, делаемых согласно главе VI Устава, и таких вопросов, как, например, рассмотрение заявлений о приеме в число членов Организации. Но мы продолжаем настаивать на необходимости установить определенный и нормальный порядок голосования при принятии наиболее важных решений. По нашему мнению, в отношении вопросов международного значения следует весьма осторожно пользоваться голосами большинства, как это делается в странах Латинской Америки.

Внесение гибкости в процедуру голосования как в Совете Безопасности, так и в Генеральной Ассамблее и в других органах Организации Объединенных Наций является настоятельной необходимостью для успешной деятельности Организации. Следует разумно урегулировать и ограничить как решающее число голосов, так и использование права вето. Если это сделать, то, мы полагаем, шансы на сближение точек зрения Советского Союза и Соединенных Штатов увеличатся. Мы тогда не будем свидетелями открытых конфликтов этих двух держав на каждом заседании Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи, а работа малых наций, направленная к большему взаимному пониманию между Востоком и Западом, с каждым днем будет становиться эффективней.

Каковы бы ни были, однако, процедура и приемы, которые нами будут приняты для обеспечения быстрой и эффективной работы Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, мы должны постоянно иметь в виду, что, независимо от того, существует право вето или нет, все основные решения в области международной безопасности и политики должны приниматься единогласно великими державами. Правильнее будет

сказать, что великим державам это необходимо. Нравится нам это или нет, но мы должны полностью отдать себе отчет в том, что великие державы обыкновенно соотносят свои действия скорее с собственными национальными интересами, чем с принципами Устава или требованиями престижа Организации Объединенных Наций.

До сих пор мир был свидетелем непрекращающегося взаимного непонимания между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мировая общественность желает найти пути для обеспечения тесного сотрудничества между этими державами вместо постоянного взаимного противодействия правительств и их представителей на каждом международном совещании. Если число членов Совета Безопасности не может быть увеличено, с тем чтобы обеспечить средним и малым государствам более удовлетворительное представительство в Совете, тогда делегация Колумбии будет приветствовать создание Межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи, как это предложил государственный секретарь Маршалл, чтобы Генеральная Ассамблея могла выполнить свои обязанности согласно статьям 11 и 14 Устава в области политической безопасности и дружественных взаимоотношений между народами.

Нам представляется, что Ассамблее надлежало бы изыскать средства и способы для того, чтобы голос большинства членов Организации Объединенных Наций имел больше веса в вопросах мирового значения. Достигнув этого, мы затем должны были бы решить вопрос о том, хотим ли мы, несмотря на различия в национальной политике и разные идеологии, действовать, руководствуясь принципами и целями нашей Организации.

Мы обязаны сотрудничать в установлении нового порядка во всем мире. Однако старые методы укоренились в наших привычках меньше, чем в положениях Устава, согласно которому все государства — члены Организации, в особенности наиболее сильные из них, могут ссылаться на свои внутренние законы для защиты своих суверенных колониальных прав, толкуя их как это им нравится, противопоставляя их коллективным мероприятиям и допуская дискриминацию по признакам расы и религии, с которой мы все хотели бы покончить.

Пока мы пересматриваем структуру нашей Организации, уместно отметить, что престиж Объединенных Наций неуклонно падает вследствие того, что ведущие европейские и американские державы обходят Организацию и пренебрегают рекомендациями ее главнейших органов, как только вмешательство этих органов угрожает их национальной политике или намерениям. Не только злоупотребление правом вето, но и отсутствие обязательного характера рекомендаций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ведет к пренебрежению мнением большинства, как об этом свидетельствуют испанский и греческий вопросы, вопрос о разногласиях между

Индией и Южно-Африканским Союзом; два последних вопроса уже фигурировали в нашей повестке дня, а равно и индонезийский вопрос, ставший для всего мира столь неожиданным примером солидарности колониальных держав.

По нашему мнению, государства — члены Организации не вправе больше издавать законы, нарушающие принципы и цели нашей Организации. Возникает вопрос, не должны ли они согласовать свои законы и административные постановления с указанными целями и принципами, и если должны, то когда и как они обязаны к этому приступить; или же они имеют право сохранять на неопределенное время законы в своих уложениях без изменений. В этом, если мы не ошибаемся, и заключается корень проблемы. Согласны ли мы подчиняться всем положениям Устава? Может ли какое-либо государство пренебрегать этими положениями, препятствуя их выполнению или нарушая их после того, как оно по доброй воле эти положения приняло, включая статью 103, которая гласит: «В том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Спрашивается, хотим ли мы способствовать установлению нового мирового порядка или предпочитаем сохранить статус-кво?

Очевидно, все мы хотим изменения существующего положения, а некоторые из нас даже горячо желают такого изменения. Мы все понимаем, что оно является необходимым условием прогресса, и когда мы задумываемся над огромными масштабами и быстротой, с которой развиваются важнейшие события современности, мы не можем не отдавать себе отчета в том, что этот масштаб и эта быстрота столь беспрецедентны, что мы, естественно, утратили четкое представление о пропорциях и перспективе.

Мы требуем и ожидаем в мирных условиях той же быстроты мероприятий, к которой мы привыкли в военное время. Мы неясно представляем себе изменения, происходящие вокруг нас. Нам представляется, что работа по восстановлению может выполняться почти такими же темпами, какими совершалось разрушение, или что она может быть закончена в несколько лет. Выражаясь точнее, мы склонны думать, что Франция, например, может вернуться к нормальным жизненным условиям в столь же короткий срок, в какой ее заняли немецкие армии; или что Бельгия и Голландия быстро оправятся от последствий вторжения; или что Великобритания может восстановить свою экономическую мощь так же быстро, как она израсходовала свою энергию и свои ресурсы на четырех материках, приняв вызов агрессора.

И наоборот, мы склонны недооценивать последствия войны в отношении международного положения Соединенных Штатов и Советского Союза,

и поэтому, когда мы пытаемся сравнивать их значение в мире или их влияние на мировые события, наши исходные позиции часто бывают ошибочными. Мы так часто принимаем желаемое за действительное, что лишь изредка можем полностью положиться на правильность наших заключений. Чаще всего случается, что мы, сами того не сознавая, делаем весьма субъективные выводы относительно политики Советского Союза, его действий и намерений или что мы слишком легко становимся жертвами необоснованного страха перед коммунистическим господством. С другой стороны, нам с каждым днем становится все труднее осознать размеры и значение новых обязательств, выпавших на долю Соединенных Штатов как ведущей демократической нации и центральной оси мировой экономики.

Сделав эти оговорки, я хотел бы от лица делегации Колумбии добавить, что мы находимся под впечатлением, что экономические последствия второй мировой войны превзошли все то, что могли себе представить современные государственные деятели. Экономическое развитие Соединенных Штатов с начала мировой войны и до избрания в 1932 году Рузвельта президентом по своему масштабу также вышло за пределы опыта и понимания наиболее компетентных банкиров, наиболее осведомленных профессоров и авторов трудов по экономическим и финансовым вопросам и наиболее выдающихся представителей обществственности.

Мы испытываем еще большее удивление, когда знакомимся с историей и последствиями политики «нового курса», ибо если мы правильно понимаем эволюцию, происходящую в Соединенных Штатах, мы видим, что правительство Трумэна создает систему ленд-лиза мирного времени, которая рано или поздно распространится не только на европейские страны, которые уже получили приглашение обсудить с Соединенными Штатами планы своего экономического восстановления по так называемому плану Маршалла, но также и на всех бывших союзников Соединенных Штатов и на страны, оказывавшие им содействие во время войны.

Это, по нашему мнению, закономерная эволюция, эволюция, которую мы должны приветствовать, и в скором времени, мы уверены, будет признано, что начало ее лишь случайно совпало по времени с принятием на себя Соединенными Штатами в марте прошлого года обязательств Соединенного Королевства по отношению к Греции, благодаря чему Соединенные Штаты добились преобладающего влияния в бассейне Средиземного моря.

В настоящее время все еще спорят о том, является ли план Маршалла дальнейшим развитием или заменой доктрины Трумэна. Некоторые считают, что этот план служит лишь подтверждением того же политического курса и подчеркивает скорее конструктивные элементы, чем отрицательные идеологические цели. «Наша полити-

ка, — заявил государственный секретарь Маршалл, — направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нужды, отчаяния и хаоса. Целью этой политики является возрождение жизнеспособной экономики во всем мире, которая позволила бы создание таких политических и социальных условий, при которых могут существовать свободные учреждения. Такая помощь — добавил г-н Маршалл, — ...не должна предоставляться по мелочам по мере развития кризисов в различных странах».

Нам хотелось бы думать, что в скором будущем план Маршалла будет признан всеми как второй и непредвиденный этап большого исторического процесса, экономические и политические цели которого получают в свою очередь широкое признание по мере того, как они все больше будут соответствовать приведенному выше заявлению.

Целью договора о ленд-лизе было прежде всего снабжение Великобритании и ее союзников военными материалами и продуктами питания, которые эти государства не могли закупать за наличный расчет в необходимом количестве для успешного сопротивления натиску Германии; по мере того как военные действия распространялись на весь земной шар, страна за страной обращалась в Вашингтон и получала щедрую помощь; можно, однако, с уверенностью сказать, что даже после нападения на Пирл-Харбор никто не предполагал, что авансы, предоставленные союзным державам и присоединившимся государствам, достигнут колоссальной суммы в 50 млрд. долларов или что они будут означать для Соединенных Штатов потерю в 40 млрд. долларов. Пока эти авансы предоставлялись, никто не жаловался и не возражал. По взаимному согласию для достижения победы предоставлялась самая широкая помощь. Все понимали и признавали, что воюющие на стороне демократических держав народы необходимо снабжать на льготных условиях оружием и снарядами.

Теперь нам предлагают создать комиссию, главной целью которой было бы наблюдать за тем, чтобы греческим партизанам не оказывалась помощь извне. Эта комиссия должна занять место комиссии по расследованию и примирению, которую Совет Безопасности не смог создать из-за нежелания одного из своих постоянных членов. Мы снова скоро услышим столь знакомые нам обвинения и контробвинения, касающиеся пограничных инцидентов, гражданской войны и плохого управления в Греции. По всей вероятности, односторонние действия Соединенных Штатов будут опять обсуждаться, и мы были бы рады получить заверения в том, что Соединенные Штаты продолжают твердо поддерживать и укреплять авторитет Организации Объединенных Наций.

Однако весьма вероятно, что, прежде чем новая комиссия будет назначена и начнет функционировать, 16 различным странам Европы будут

предоставлены предварительные кредиты по плану Маршалла.

Президент Трумэн в своем обращении к конгрессу о положении в восточной части Средиземного моря заявил, что Соединенные Штаты затратили 341 млрд. долларов для того, чтобы выиграть вторую мировую войну, и назвал эти затраты вкладом в дело свободы и всеобщего мира. Говоря о конкретной цели своего обращения, президент Трумэн многозначительно добавил: «Помощь Греции и Турции, которую я рекомендую, представляет собой сумму, лишь немногим превосходящую одну десятую процента этого капиталовложения. Простой здравый смысл требует от нас, чтобы мы обеспечили этот вклад и были уверены в том, что он не был напрасным».

В соответствии с этой рекомендацией Греция и Турция получили 400 млн. долларов. Вскоре после этого, 5 июня, государственный секретарь Маршалл, ввиду того что увеличилось число просьб со стороны западноевропейских стран о предоставлении им дополнительных займов, заявил в Гарвардском университете, что для достижения полной эффективности помощь Соединенных Штатов не должна предоставляться по мелочам, а соотносываться с общим планом экономического восстановления Европы, разработка которого должна быть предпринята по инициативе самих европейских стран.

Начиная с этого момента эксперты приступили к исчислению сумм, которые необходимы для экономического восстановления Европы, не включая в свои расчеты страны, входящие в сферу влияния Советского Союза; они определили общую сумму в размере около 20 млрд. долларов. По одним подсчетам, сумма должна быть несколько больше, по другим — делается попытка сократить масштабы ожидаемой от Соединенных Штатов помощи.

Если предположить, что конгресс Соединенных Штатов согласится на план Маршалла в указанном масштабе — а мы не должны удивляться, если он согласится, — то не будет ли дерзостью спросить, нельзя ли распространить этот план или, точнее говоря, эту щедрую помощь Соединенных Штатов и на другие континенты?

Делегация Колумбии надеется на то, что, когда вопрос будет обсуждаться в Вашингтоне, а может быть и до этого уже станет ясно, что экономическое восстановление производящих стран Европы не может быть осуществлено в широких масштабах, если огромная масса потребителей Южного полушария, включающего Африку, Азию и страны Америки, по-прежнему будет находиться в состоянии острой нужды и покупательная способность населения не возрастет.

Мы принадлежим к той немногочисленной группе, которая считает, что смелое и щедрое осуществление плана Маршалла существенно необходимо для возвращения мира к нормальным условиям. Кризисы, пусть не очень значительные,

но которые, подобно кризису в Европе, угрожают политической и экономической устойчивости многих стран, возникают в различных частях земного шара. Необходимость в поощрении экономического развития является часто столь же острой, как и необходимость в реконструкции. Новый свет так же нуждается в кредитах, машинах, транспортном оборудовании и технической помощи, как и Старый свет. Допуская, что восстановлению и новому развитию других континентов должно предшествовать восстановление Европы, следует тем не менее признать тот факт, что все они являются неотъемлемыми частями общей системы экономического и политического восстановления послевоенного периода.

Оказание помощи является привилегией богатых стран. В истории не было другой страны, которая обладала бы такими ресурсами и такими накопленными богатствами, как Соединенные Штаты, и которая столь охотно согласилась бы поделиться с другими народами своими благами и состоянием. Вклад в сумме 30 или 35 млрд. долларов, сделанный в целях благосостояния и мира, свидетельствовал бы о переходе к новой мировой системе под руководством Соединенных Штатов и дал бы Соединенным Штатам историческую возможность помочь человечеству выйти из нынешнего тяжелого положения. Мы искренне верим в то, что такая цель стоит этих затрат.

Весьма возможно, что конгресс Соединенных Штатов и американский народ не сразу предоставят необходимые полномочия для проведения в жизнь плана Маршалла в том расширенном виде, о котором мы позволили себе здесь говорить. Сотрудничество при нормальных условиях осуществляется более медленными темпами, чем тогда, когда гремят пушки; оно является также более ограниченным. Легче предоставлять корабли, танки и снаряды по системе ленд-лиза, нежели снабжать продуктами питания, одеждой, промышленными и сельскохозяйственными машинами. Однако ясно, что ленд-лиз мирного времени можно осуществить со значительно меньшими затратами, чем ленд-лиз военного времени, не говоря уже о том, что результаты его будут разительными и многообещающими.

Мы не сомневаемся, что политические последствия такого предложения найдут горячий отклик в сердцах и умах американского народа, ибо этот народ все больше отдает себе отчет в том, какое значение имеют для будущего благосостояния мира отношение и политика американского правительства. Самым выдающимся фактом в наши дни является поразительный рост влияния Америки во всех вопросах, имеющих значение для человечества.

На нас произвела глубокое впечатление экономическая мощь Соединенных Штатов. Соединенные Штаты в настоящее время производят 60 процентов промышленных товаров всего мира.

Остающиеся 40 процентов производства в немалой степени зависят от предоставляемых Соединенными Штатами кредитов, от американского рынка и перевозок, от американского сырья, оборудования и американских специалистов. Нехватка долларов во всем мире происходит от почти всеобщей неспособности оплачивать американские товары и обслуживание. Импорт во всех странах был сокращен, чтобы уменьшить потребность в долларах, а связанный с этим сокращением недостаток товаров на рынке способствует повышению цен. Инфляция в значительной степени подтачивает политическое и экономическое положение.

При столь многочисленных признаках приближающейся депрессии мы не можем не обратить наши взоры в сторону Соединенных Штатов, но не как просители, не для того, чтобы воспользоваться добротой американского народа, а с твердой верой в те исключительно благоприятные перемены, которые наступили бы в существующих натянутых международных взаимоотношениях, если бы Соединенные Штаты позволили нам надеяться на то, что и другим материкам будет оказана помощь в деле изучения и разрешения их проблем.

Иными словами, если бы Соединенные Штаты решили теперь, как и во время войны, принять на себя руководящую роль и возложить на себя связанные с этим огромным делом обязательства, мы верим, что наступил бы период самого плодотворного сотрудничества малых и больших наций в создании нового мирового порядка. Наилучшим руководством для Генеральной Ассамблеи являются слова президента Трумэна, произнесенные им на открытии прошлой сессии. Президент Трумэн тогда сказал:

«Война оставила многие страны в состоянии хаоса. Между союзниками возникли разногласия. Бесплезно было бы стараться отрицать этот факт. Не следует, однако, преувеличивать значение существующих разногласий. Лично я считаю, что не существует разногласий, которые могли бы помешать разрешению стоящих перед нами проблем, разрешению их согласно принципам, изложенным в Уставе Организации Объединенных Наций. Прежде всего мы не должны допустить, чтобы разница в экономических и социальных системах могла теперь или в будущем стать препятствием на пути к осуществлению мира. Распад Организации Объединенных Наций, если таковой допущен, на непримиримые блоки по признаку различных политических мировоззрений, вызвал бы мировую катастрофу»¹⁴.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Заседание закрывается. Мы соберемся снова в 15 часов 30 минут.

Заседание закрывается в 13 час. 50 мин.

¹⁴ См. Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи, пленарные заседания, стр. 5.